

Труд. — 1999. — 4 февр. — с. 6

«Я И ВО СНЕ СТАВЛЮ СПЕКТАКЛИ»

ЧИСТОСЕРДЕЧНЫЕ ПРИЗНАНИЯ «ОПАСНОГО» РЕЖИССЕРА АНДРЕЯ ЖИТИНКИНА

Критики часто называют его то элитарным, то не в меру сексуально озабоченным, то просто коммерческим художником. Андрей не обращает на все это внимания и искренне верит, что его театр нужен людям...

— Недавно мне на глаза попало прошлогоднее интервью весьма уважаемого режиссера Валерия Фокина, в котором он сетовал на то, что наш отечественный театр давно уже пора спасать от засилия режиссеров, которые будто бы толкают его в бездну коммерции и низкопробной масс-культуры. Ваша фамилия привохла как раз в этой связи. По мнению вашего старшего коллеги, вы личность прямо-таки опасная и вредная для театрального дела. Что можете на это сказать?

— Если уважаемый всеми режиссер семь раз называет в своем интервью мою фамилию, значит, мое творчество действительно его «зацепило».

Валерий Владимирович как-то небрежно всех нас объединил — и Леню Трушкина, и Борю Мильграма, и Рому Козака, и вашего покорного слугу в некую новую режиссерскую генерацию, которая, по его мнению, привнесла в современный русский театр невзыскательную буржуазность и коммерцию. Не берусь отстаивать позиции моих уважаемых коллег, но о себе кое-что вспомню.

Свои первые спектакли «Снег. Недалеко от тюрмы» Н. Климонтовича, «Калигулу» А. Камю, «Рок-овые яйца» М. Булгакова выпускал я с большим трудом в Театре имени Ермоловой, где главным режиссером был Валерий Фокин. Помню, как «главный» очень аккуратно «задвигал» новую генерацию режиссеров в лице Михаила Цитриняка и Алексея Левинского... Помню, как перестал ходить зритель на последние премьеры «главного» в большом зале: «Второй год свободы», «Бесноватая», как тут же труппа Ермоловского театра была обвинена в расколе и театр «распилили» на две половины. А вскоре Валерий Фокин и сам бросил несчастных своих приверженцев, уйдя из театра.

— Но вас и критики упрекают в том, что вы можете поставить спектакль за две недели, не заботясь о его художе-

ственным качестве, что вы постоянно бегаєте из академических театров в антрепризу и обратно.

— Любый профессионал прекрасно понимает, что невозможно поставить пьесу за две недели. Другое дело, что мировой стандарт подготовки спектакля — это тридцать—сорок репетиционных точек. На Западе время — деньги, огромных средств стоит аренда, оборудование, вся светотехническая и звуковая машинерия. Там безумно ценят людей, не нарушающих контракты. Да о чем мы говорим! В случае срыва контракта режиссер просто обязан выплатить серьезную неустойку. В России все иначе. Но и здесь можно работать по западному принципу, если есть отлаженный мобильный коллектив профессионалов. Таким театром, безусловно, является театр Олега Павловича Табакова, имеющий на данный момент, пожалуй, самую сильную труппу в Москве. Спектакли «Псих» А. Минчина, «Старый квартал» Т. Уильямса и последнюю премьеру «Признания авантюриста Феликса Круля» Т. Манна мы выпускали в быстром темпе. Да по-другому и быть не могло: табакоские актеры, умеющие интенсивно работать, просто бы заскучали, репетируя целый год одну и ту же пьесу.

— Вы с увлечением работаете над пьесами, за которыми тянется шлейф скандальности. В ваши сценические фантазии вы вовлекаете не только молодых актеров, но и мастеров отечественной сцены. Почему вам так важен контакт с актерами разных поколений?

— Просто ни в жизни, ни в искусстве не должна прерываться связующая нить. Мне действительно посчастливилось репетировать с великими актерами. Когда-то в «Калигуле» свою последнюю роль сыграл грандиозный русский актер Всеволод Семенович Якут. До сих пор перед глазами стоит та трагическая ночь. Он умер прямо после премьеры, выпив бокал шампанского и по-

ФОТО ИГОРА ПАТИНИНА.

желав всем счастья. Для меня этот случай стал «знаком судьбы». Я никогда не отказываю нашим старым мастерам в постановках, даже если это откровенный бенефис популярного актера. Так было с Юрием Васильевичем Яковлевым («Веселые парни» Саймона в Театре Вахтангова), Георгием Степановичем Жженовым («Он пришел» Пристли в Театре Моссовета), Александром Анатольевичем Ширвиндтом («Поле битвы после победы принадлежит мародерам» Радзинского в Театре сатиры), с Людмилой Гурченко в мюзикле «Бюро счастья»...

— Но разве можно сразу ставить несколько спектаклей? Как вам удается выдерживать такой бешеный ритм?

— Иногда это просто цепь совпадений. Поясняю. Режиссура — это та профессия, которая забирает все двадцать четыре часа в сутки. Критики удивляются моей мобильности, но ведь только Богу известно, что «Милый друг» Мопассана в родном Театре имени Моссовета был придуман еще за три года до начала работы. А пьесу «Старый квартал» Уильямса более десяти лет назад мне подарил переводчик Виталий Яковлевич Вульф, но она тогда не вышла в «Современнике» по конъюнктурным соображениям. У нас же часто единственным достоинством спектакля является его «период беременности» — девять месяцев, а то и годы подготовки.

— Вы, безусловно, не даете споконно спать многим своим коллегам по режиссерскому цеху. Вам завидуют, про вас сочиняют всякие небылицы. Вы что, действительно так заняты собой или все же вас волнуют проблемы выживания художников в искусстве?

— По-настоящему волнует только одно: что-то не слышно «дыхания в затылок» режиссерского молодняка. Сейчас в силу экономических причин очень трудно пробиваться новым дарованиям. Театры не рискуют. Это печально. Так хочется какого-нибудь нового взрыва или хулиганства со стороны молодых. А таланты у нас есть. Посмотрите «Камеру обскура» в постановке Антона Кузнецова в «Табакерке» или новые поиски Сережи Виноградова в собственной театральной компании. Ну а если помечтать, то еще хотелось бы, чтобы свои театры имели Татьяна Ахрамкова, Михаил Мокеев, Владимир Мирзоев...

— Признайтесь, а вы хотели бы иметь свой театр?

— Хотел бы! И не потому, что мне надоело странствовать по академическим театрам и антрепризам. Просто надоело дарить успех чужим коллективам. Хочу, чтобы все эти радости оставались в моем театральном Доме.

— Можно считать, что обречение собственного театра входит в ваши ближайшие планы?

— Можно... Хотя на данный момент я больше всего занят выпуском спектакля «Нижинский. Сумасшедший божий клоун» в Театре на Малой Бронной. Эта никому не известная пьеса была привезена мною из Америки. Ее автор — профессор из Вашингтона Гленн Бламстейн. Заглавную роль в спектакле исполнит актер Театра имени Моссовета Александр Домогаров. Мы хотим рассказать красивую и страшную ис-

торию. По сути, трагическую историю угасания гения, запутавшегося в сложных отношениях с теми людьми, которые его окружали. Рядом с Нижинским были Дагилев и Кокто, Стравинский и Бакст, Фокин и Мясин. Разве это может быть неинтересным? Не может!

— Режиссура отнимает все свободное время?

— Не то слово. Даже во сне продолжаю работать: может какая-то мизансцена мелькнуть или форма постановки. И если я, открыв глаза, не запишу увиденное во сне, то уже никогда это не вернется! Поэтом рядом с кроватью у меня всегда лежит папочка, куда я все записываю.

Наверное, я подписываю один контракт за другим еще и потому, что люблю жизненные «картинки» менять. Утром репетировать одно, днем — второе, вечером — третье. Вот на мне жилетка, рубашка, шарф, очки на веревочке, еще целая куча всего... Потому что люблю создавать себе комфорт. Это тоже условие профессии — богемность. Иногда целый день репетирую, а вечером — прием. Поэтом в темных джинсах: могу сесть на пол и рассказать актеру сцену, а могу пойти в них на премьеру в Дом кино. Конечно, при такой жизни уловить момент спокойствия тяжело. Но я стараюсь...

— Каким образом?

— Есть у меня странное увлечение: с детства веду дневники. Могу открыть дневник и увидеть, что было когда-то, то есть восстановить время своей жизни по осколочкам. Конечно, есть еще книги и музыка. Больше всего люблю хорошую компанию, за столом, с хорошей водкой или виски. Обычно рассказы близких друзей отпечатываются в памяти, а потом всплывают на репетициях. Мне очень интересно все то, что связано с потоком сознания и психоанализом. Это меня будоражит, волнует.

— Ваше жизненное кредо?

— Я против любого вида несвободы. Против любых запретов, тем более в искусстве. Показывать публично можно все, кроме пропаганды насилия и совращения детей, а зритель уж сам выберет, что ему близко, а что чуждо, что смотреть, а что нет.

Беседу вел
Жанна ФИЛАТОВА.